

«МИР, ПРОГРЕСС, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»
Публикации Музея и общественного центра
имени Андрея Сахарова

ВЫПУСК 5

СТРАНЫ БАЛТИИ И РОССИЯ:

ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Редакторы-составители
Д. Е. Фурман, Э. Г. Задорожнюк

Москва
Издательство "Референдум"
2002

ОПЫТ БАЛТИЙСКИХ СТРАН И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИИ (введение)

Изучение развития республик, входивших ранее в СССР, имеет для России значение, выходящее за пределы чисто научного интереса и человеческого любопытства.

Во-первых, потому что эти страны — наши соседи. И не просто соседи. Длительное и относительно недавно закончившееся пребывание в едином государстве, в котором Россия была “ядром”, а Прибалтика — окраиной, не может пройти бесследно. Его следствиями могут быть обиды, страхи и подозрительность, могут быть и чувства ностальгической сентиментальности, но оно еще долго будет придавать нашим отношениям большую интенсивность, чем отношениям с просто соседями¹.

Во-вторых, потому что знание и понимание того, что происходит у наших бывших “братьев”, помогает нам понять, что происходит с нами и почему это с нами происходит. Все мы начинали с одного и того же исходного советского стартового пункта. Официальные институциональная и идеологическая структуры еще в 1990 г. были тождественными на всем пространстве от Туркмении до Эстонии. Но за десять лет мы далеко разошлись. Произошла колоссальная дивергенция политических и социальных систем. И узнавая и начиная понимать то, что происходило в других постсоветских странах, мы приходим к осознанию того, что наш путь — не единственно возможный. Более того, мы начинаем понимать, что помогает и что мешает нам достичь желаемых нами целей, где и в чем наши преимущества и удачи и где и в чем — наши трудности, недостатки и ошибки, и соответственно — что нам нужно делать и в чем меняться. Узнавая и пытаясь понять другие постсоветские страны, мы, русские, узнаем и пытаемся понять себя.

В этом отношении страны Балтии должны играть для нас особую роль. Если считать, что нашими целями являются демократическая правовая политическая система и соответствующая ей рыночная социально-экономическая система, и оценивать постсоветские страны по тому, как они близки или далеки от достижения этих целей, то оценки России будут “средними”. В статье М. Бейссингера приведены такие

оценки, которые делаются международными центрами. По ним Россия занимает примерно восьмое место из 15 постсоветских стран. По индексу демократизации позади нас — Белоруссия, Азербайджан, Туркмения, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан и Киргизия, впереди — Армения, Грузия, Украина, Молдова, Литва, Латвия и Эстония. По индексу экономической либерализации позади нас — Белоруссия, Украина, Азербайджан, Туркмения, Казахстан, Таджикистан и Узбекистан, впереди — Армения, Грузия, Киргизия, Молдова, Литва, Латвия и Эстония. Оценки могут меняться из года в год, но не значительно. Порядок довольно устойчивый и вызывает образ велосипедистов, которые все начали соревнование от одной, “советской”, черты и в одно время, в 1991 г., все прошли многокилометровый путь, но при этом одни вырвались вперед, а другие — отстали. (Этот удачный образ использован в статье В. Гайдиса.) Расстояние между ними может быть и не таким уж большим, не измеримым с расстояниями, которое они уже прошли и которое им предстоит пройти, но для них проще преодолеть еще несколько километров, чем преодолеть метры, отделяющие одного от другого. И из всех этих пятнадцати велосипедистов три (страны Балтии) — постоянно впереди и более того — с большим отрывом от всех прочих. Можно сказать, что они уже пришли к цели — построили демократические и рыночные общества и, очевидно, в недалеком будущем их будут встречать с букетами, принимая в ЕС и НАТО².

В том, что одни велосипедисты — впереди, а другие — позади, могут играть роль самые разные факторы. Среди них, конечно, и случайные, и субъективные. Иногда такие чисто случайно-субъективные факторы, как личности руководителей и принимаемые ими решения, приводят к тому, что кто-то из наших стран вырывается вперед, а кто-то, наоборот, начинает отставать. Но когда разрыв так устойчив и так велик, как между нами и балтийскими странами, когда он сохраняется при всех переменных и конъюнктуры, роль субъективных и случайных факторов не может быть особенно велика. Три вырвавшихся далеко вперед велосипедиста, несомненно, “умеют лучше ездить на велосипеде”. Как велосипедисты они — “талантливейшие”.

Какие же качества облегчают балтийским народам их путь к правовому демократическому государству и обществу? Как они возникли? В чем они сейчас проявляются? И какую роль может сыграть для нас балтийский пример? Собственно, попытке ответить или хотя бы наметить ответы на эти вопросы и посвящен данный сборник.

В ходе работы мы столкнулись с рядом специфических трудностей. Мы совершенно сознательно не пошли по пути трех отдельных сборников или одного большого, но с тремя разделами, посвященными Литве, Латвии и Эстонии. Одна из целей всей серии, посвященной постсоветским странам, которую издает Фонд Сахарова, — это сравнение их пост-

советского развития друг с другом и с Россией. Между тем три страны Балтии по отношению к другим странам бывшего СССР представляют собой в значительной мере единую группу. Все они — резко впереди других по тому, как они справляются с проблемами постсоветского развития. Исторически они, особенно в XX в., тесно связаны друг с другом, и процессы, происходившие и происходящие в них, во многом параллельны. Три сборника в значительной мере повторяли бы друг друга. Кроме того, сравнение стран, в развитии которых участвует очень много общих факторов, тем более интересно. Сравнение Эстонии, скажем, с Казахстаном или даже с Россией — очень трудно, поскольку уж очень много здесь действует различных факторов, но сравнение Эстонии с Латвией и Литвой — очень естественно, здесь легче и установить отличия и прийти к пониманию того, чем они обусловлены. Три балтийские страны — идеальное поле для сравнений.

Между тем добыть статьи, сравнивающие развитие этих трех стран (и в идеале — еще и сравнивающие их с Россией), оказалось невероятно трудно. Я думаю, что объясняется это двумя причинами. Во-первых, хотя между этими странами очень много схожего, балтийская солидарность, чувство балтийской общности были сильны только перед лицом общего врага. Я думаю, можно утверждать, что в странах Балтии нет особо большого интереса друг к другу. Интерес к России (скорее как к угрозе) и к Западу как образцу, эталону, потенциальному защитнику и сообществу, в которое надо как можно скорее и полнее войти, — неизмеримо больше. Очень трудно представить себе эстонца, который учил бы литовский или латышский язык. Во-вторых, сравнение, даже самое беспристрастное, подразумевает какие-то оценки, какую-то иерархию. При сравнении очень трудно не обидеть или себя, или соседа. А так как обижать ни себя, ни соседа не хочется, сравнения и не делаются³. Это очень осложнило нашу работу.

В 1991 г. на старт вышли народы с очень разными и уже очень давно и прочно сформировавшимися культурами. Как наиболее глубокие черты индивидов закладываются в раннем детстве (и даже еще раньше — до появления человека на свет), так и глубокие основы наших культур закладывались совсем давно, в Средние века.

Средневековое развитие балтийских народов было очень разным. Литовцы создали великое государство, одно время доминировавшее на территории Восточной Европы, а затем объединившееся с Польшей и приобретшее скорее польский этнический характер (большая развитость польской культуры этого времени привела к полонизации высших слоев литовского общества). Предки эстонцев и латышей на заре своей

истории попали под власть немецких рыцарей и образовали низший крестьянский слой ливонского средневекового сословного общества, власть в котором была в руках немцев⁴.

Русские же, в отличие от балтийских народов, вообще никогда не были под прямым господством чужеземцев и создали великую империю, которая, постепенно разрастаясь, поглотила в конце концов и латвийские, и эстонские, и литовские земли. В отличие от балтийских народов, живших на маленьких территориях, лишенных возможности колонизации, русские расселились на громадной территории завоеванного ими государства и ассимилировали представителей других этносов и целые этносы, став громадным, по сравнению с балтийскими, народом. Русская культура, как культура государстваобразующего этноса, сформировались значительно раньше культур балтийских народов.

Эти исторические и исторически обусловленные различия, войдя в самосознание народов, стали и важнейшими психологическими и культурными различиями. Множество проблем в отношениях русских и балтийских народов связаны с различиями психологии громадного и имперского (сейчас уже скорее бывшего имперского) народа, которому, хотя бы просто из-за его величины, не грозят ни порабощение чужеземцами, ни исчезновение в результате военных потерь или ассимиляции, и которому никогда не приходилось бороться за свое признание как народа, за свой язык, и психологии маленьких народов, большую часть своей истории бывших под инонациональным господством.

Величина и чувство этнической безопасности, и наоборот, маленькие размеры и постоянное ощущение угрозы своему этническому существованию, естественно, порождают очень разные психологии. Тем, чему ничто не угрожает, человек не так уж и дорожит. Для русских, даже оказавшихся в ситуации меньшинства, этническое существование которого не гарантировано, не свойственно сильное стремление сохраниться как русские. (Это видно и по той легкости, с которой русские в Балтии сейчас "идут на ассимиляцию".) У них нет и сильной этнической сплоченности. Поэтому психология балтийских народов им плохо понятна. Проявления поразительной этнической солидарности, вроде "балтийской цепи" (представить себе аналогичную русскую цепь просто невозможно), может вызывать у русских восхищение и зависть, упорное стремление сохранить значение своего языка, доходящее до нежелания говорить по-русски даже тогда, когда ты русский прекрасно знаешь и говорить по-русски удобно, или до гротескного преувеличения акцента, может казаться русским мелочным. Но во всех своих проявлениях — и скорее величественных, и скорее мелочных, это — совершенно чуждая русским психология.

Различия сознания маленьких народов, большую часть своей истории бывших под господством других, превращение которых в современ-

ные нации требовало колоссальных усилий и существование которых всегда было под угрозой, и сознания большого имперского народа объясняют очень многое в русско-балтийских и российско-балтийских отношениях. Но сказать, насколько эти культурные и психологические различия влияли на постсоветское развитие, очень трудно. Маленькие размеры и большая этническая сплоченность, очевидно, в каких-то аспектах и при "прочих равных" облегчают переход к демократическому обществу. Этническая сплоченность создает базу для консенсуса, который так нужен для строительства демократии. В маленьком обществе, где все на виду, где все знают друг друга, труднее установить отделенную от общества, полусакральную "царскую" власть, для элиты — труднее разворачивать "общенародную" собственность и создавать колоссальные богатства, здесь легче создание правопорядка. Однако преувеличивать значение этого фактора не стоит. Другие факторы явно важнее. В России построение демократии, возможно, труднее, чем в Эстонии, в том числе и в силу ее величины. Но Россия все же значительно ближе к демократии и правопорядку, чем маленькая Туркмения.

Фактор, о котором мы сейчас говорили, безусловно, важен и многое объясняет, но он явно не может претендовать на роль главного фактора, объясняющего значительно большие по сравнению с нашими успехи балтийских народов в посткоммунистической трансформации.

* * *

Несомненно, значительно более важной исторической причиной теперешних различий является другое.

В самой исходной точке наших культурных эволюций мы (наши предки) оказались в разных культурных мирах. Предки литовцев, латышей и эстонцев вошли (литовцы — принятием христианства князем Ягайло от поляков, латыши и эстонцы — в результате немецкого завоевания) в католический западноевропейский мир, а русские с эпохи князя Владимира — в православный. Здесь не место обсуждать многообразные различия влияний католицизма и православия и особенности восточноевропейской и западной "цивилизаций". Но некоторые из них — достаточно очевидны и одновременно достаточно важны для понимания современных различий русских и балтийских народов, чтобы упомянуть их в данном введении.

Наличие на Западе мощной наднациональной единой церковной организации, противостоящей многим государствам, ослабляло власть монархов и способствовало становлению обществ с развитыми сословными системами. В любой западной стране существовало сословие, которое "по определению" было подчинено не только королю, но и Риму, и права которого были четко определены и закреплены и защищались

всей мощью наднациональной церковной организации — духовенства, что предопределило закрепление привилегий и корпоративную организацию других свободных сословий. Абсолютные монархии в католическом мире возникают поздно, в предбуржуазную эпоху, не везде (ни в Ливонии, ни в Речи Посполитой, в которые входили народы Балтии, абсолютизма не было), и нигде не достигают той степени “абсолютности”, как российское самодержавие. В России же, где не имеющая инонационального центра церковь не могла в такой мере противостоять светской власти и ее ограничивать, не было и условий для возникновения жесткого сословного деления и сословных корпораций, отношения в которых и между которыми и отношения которых с государством регулируются правом. Тотальный абсолютизм (самодержавие), при котором все — “холопы государевы”, здесь и возникает значительно раньше и окончательно падает лишь в XX в. (а “следы” его в нашем сознании достаточно ясно прослеживаются и сейчас).

Литовцы, латыши и эстонцы образовали низшие слои, прежде всего, сословие крепостных крестьян в сложно организованных жестко сословных обществах со слабой верховной властью и очень сильными, охраняющими привилегии высших сословий, правовыми институтами.

Речь Посполитая, “республика”, в которой литовские высшие классы вошли в единое шляхетское сословие и полонизировались, сохранив лишь “региональное” самосознание, и где литовский язык превратился в “простонародный” крестьянский, была своеобразной шляхетской демократией с выборными монархами и колоссальными правами дворянства, заботливо им сохраняемыми и расширяемыми (что в значительной мере и предопределило ее слабость по сравнению с культурно более отсталым, но централизованным, действующим как единый слаженный организм, русским государством).

Средневековая Ливония вообще представляла собой удивительное немонархическое государственное образование, где большая часть земель принадлежала Ливонскому ордену рыцарей (естественно, имеющему выборную власть и управляемому по орденским законам), находившемуся в сложнейших правовых отношениях с Тевтонским орденом в Пруссии, автономной частью которого он был, с рыцарями, не входившими в Орден, но бывшими его вассалами, с независимыми и имеющими сложную сословную организацию городами, с также независимыми епископствами, с папской властью, с властью германского императора и датским и шведским королями, периодически претендовавшими на сюзеренные права над частью ливонской территории. По сравнению с Россией это было общество почти гротескного “безначалия”, постоянной борьбы всех против всех, часто переходившей в вооруженную, но в которой все стороны постоянно апеллировали к разным правовым документам и судам и фиксировали все свои победы в правовых документах.

Если вообще в католическом мире роль права была значительно большей, чем на Руси, то для численно небольших немецких господствующих классов Ливонии, попавшей в XVI в. под власть шведского и польского государств, а в начале XVIII в. завоеванной Россией, право играло особо большую роль, стало важнейшим средством сохранения своего положения и важнейшей ценностью. Немецкая рыцарская и бюргерская верхушка была готова признать верховную власть шведов и поляков в обмен на признание ими ее сословных прав и институтов. Также позже она признала и российское господство и в "донациональную" эпоху "остзейские бароны" были верными слугами царизма, внеся в русскую историю множество великих немецких имен, и в то же время упорно держась за подтвержденные Петром I сословные привилегии, за право (см. статью Р. Тухтенхагена).

Было бы смешно говорить, что балтийским народам "повезло", что они попали к "культурным" и уважающим право господам, а не вошли в состав "азиатской, деспотической" России. Право Ливонского и Польского государств было правом, фиксирующим привилегии высших, немецких и польских ("польскоязычных") сословий и соответственно — фиксирующим бесправие низших сословий, совпадающих с балтийскими этносами.

Мы не должны переносить в прошлое современные проблемы и порожденные ими оценки. Никакой радости от того, что отношения в Речи Посполитой и Ливонии регулировались правом в неизмеримо большей мере, чем в России, для предков латышской и эстонцев не было.

Но то, что не имеет значения или имеет одно значение в одной системе координат, с точки зрения целей, поставленных одним временем, приобретает совершенно иное значение с точки зрения целей, поставленных иной эпохой.

Культура господствующих классов — это господствующая культура, и предки балтийских народов воспринимали многие черты культуры своих господ. И прежде всего — представление о ценности права и способность к упорядоченной правовой самоорганизации, столь не свойственные русским. Как только сословное ярмо стало ослабевать и началось национальное движение балтийских народов, оно приняло форму создания дисциплинированных и регулируемых правом организаций, у истоков многих из которых стояли немцы (обо всем этом подробно сказано в статьях Л. Швеца и К. Брюгтемманна). И эти развитое правосознание и способность к упорядоченной самоорганизации становятся национальными чертами балтийских народов. Они проявляются и в государственном строительстве в межвоенный период, и в советскую эпоху, и в период борьбы за восстановление независимости⁵. И в постсоветскую эпоху они становятся важнейшим источником балтийских успехов.

* * *

Мы видим, как события далекого прошлого (всегда в той или иной мере — альтернативные) порождают глубокие различия культур, являющиеся важными факторами современного развития. Современные различия постсоветских России и стран Балтии через различия культур связаны с событиями далекого прошлого — с немецким завоеванием Ливонии, с православным выбором Руси еще в X в., даже с доисторическими и не известными нам событиями, определившими географию расселения наших далеких предков. Значительные различия современных Литвы и ее северных соседей в громадной мере связаны с событиями XVI в.

В XVI в. в немецкой Ливонии побеждает Реформация в лютеранской форме (победа, позже закреплённая подчинением большей части старой Ливонии лютеранской Швеции). Речь Посполитая некоторое время была на грани превращения в протестантскую страну, но к концу века в ней уже необратимо побеждает католическая контрреформация. Это в громадной мере определило культурные различия эстонцев и большинства латышей, религиозный выбор за которых был сделан их немецкими господами, и литовцев и латышского меньшинства, оказавшегося в составе польского государства.

Наиболее зримые последствия этого выбора для будущих национальных культур связаны с грамотностью. Реформация, выдвигая идею “спасения верой”, требовала от верующих знания источника веры — Священного писания. Писание начинает переводиться на европейские разговорные языки, в том числе и на языки балтийских народов, которые и фиксируются впервые этими переводами в упорядоченной, письменной форме. С другой стороны, распространение грамотности становится делом, имеющим непосредственно религиозное значение. Следуя своему религиозному долгу, немецкие и шведские господа, распространявшие грамотность на родных языках среди своих крепостных, способствовали, естественно, отнюдь к этому не стремясь, становлению из них современных наций, подрывая тем самым основы собственного господства.

Эстонцы и протестантская часть латышей достигают стопроцентной грамотности значительно раньше не только русских, но и католиков — литовцев и латышей-латгальцев. Но опережение в распространении грамотности — это опережение во всем: и в способности к упорядоченному нетрадиционалистскому капиталистическому хозяйствованию, и в способности к самоорганизации, основе демократических обществ, и в национальном самосознании, основывающемся на ясной и прочной базе своего языка.

Ускоряющее влияние протестантизма на развитие языка и на распространение грамотности — лишь самый “простой” и очевидный из

аспектов его многообразного ускоряющего влияния на развитие в направлении капитализма и рынка, впервые отмеченного Максом Вебером. Практически весь период существования статистики и по всем статистическим показателям лютеранская часть Балтии — впереди католической.

Мы все время видим, как то, что является преимуществом в одном отношении, с точки зрения решения определенных задач, становится “недостатком” с точки зрения других задач. Достижения русских в строительстве мощного, способного противостоять ударам извне государства очевидны, и здесь даже сравнения русских с балтийскими народами быть не может. Но те же качества русских и их культуры, которые помогли им не только сохранить независимость, но и создать величайшую империю, в нашу эпоху, с точки зрения иных задач, поставленных иным временем, приводят к тому, что по оценкам близости к правовому демократическому и рыночному обществу Россия оказывается на восьмом месте из пятнадцати постсоветских республик, а три балтийские республики занимают три первых места. Схожую картину мы видим и внутри балтийской группы стран.

И в Российской империи, и в межвоенный период независимости, и в советскую эпоху очень прочно сохраняется относительное отставание в социально-экономическом и культурном развитии литовцев от их северных лютеранских соседей. Литовская культура — более “традиционалистская”, менее индивидуалистическая и “буржуазная”. Но именно это позволило литовцам (как это отмечает В. Гайдис) сыграть в период борьбы балтийских народов с СССР особую роль.

Католицизм с его отношением к браку как таинству, а абортам как страшному греху и с его интернациональной организацией способствовал в советское время большей устойчивости и сопротивляемости литовской нации по сравнению с эстонской и латышской. Литовцы рожали значительно больше детей и наличие больших трудовых ресурсов было одной из причин слабости миграции русских в Литву. Удельный вес эстонцев и латышей в населении их стран падал и латыши были просто на грани превращения в меньшинство в своей стране, а литовцев — даже рос. И сопротивление литовцев советской власти было очень сильным, отчасти и потому, что в Литве была церковь, подчиняющаяся Ватикану. (О разной роли церквей в борьбе с СССР, как и отличиях в религиозности и моральных оценках, говорит в своей статье К. Каариянен). Поэтому литовцы в ходе борьбы балтийских народов за свободу шли впереди и приняли на себя самый мощный удар.

Но после достижения независимости литовцы снова по основным показателям несколько отстают от своих северных лютеранских соседей. Сейчас все три балтийские страны резко обогнали все прочие постсоветские страны на пути к правовому демократическому и рыночному

обществу. Но если сравнивать их между собой, видны большие различия, идеи капитализма и демократии значительно прочнее в Северной Балтии, где практически нет ностальгии по СССР, заметной в общественных настроениях литовцев (об этом см. статью В. Гайдиса)⁶, есть очень интересные и несомненно имеющие глубокое культурное основание политические отличия (см. статью С. Нистен-Хаарала), отличия в форме проведения реформ и отличия в экономических результатах (см. статью П. Сутелы) – экономические успехи эстонцев и латышей выше литовских.

* * *

Попав под власть России, балтийские общества долго сохраняют старую сословно-феодальную систему. Она начинает “трещать” лишь в XIX в., когда процессы демократизации и капиталистического развития ведут к образованию современных наций. Происходит постепенное превращение России из империи Романовых в империю русских, что приводит к столкновению российской власти с немецкими и польскими господствующими классами в балтийских странах. Эта борьба (как это показано в статьях Л. Швеца и К. Брюгеманна) создает относительно благоприятные условия для становления новых балтийских наций.

И российские власти, и господствующие над балтийскими народами немцы и поляки видят главную опасность и главного врага друг в друге. Русские боятся очередного польского восстания и германизации и возможного немецкого ирредентизма отзейских провинций. Немцы боятся потери привилегированного положения, своих средневековых прав и свобод и немецкого характера остзейских обществ, распространения российских порядков и русификации. В эстонцах, латышах и литовцах ни русские, ни немцы, ни поляки вначале серьезной угрозы просто не замечают и рассматривают их скорее как потенциальных союзников, таких союзников, которым в конечном счете уготована судьба ассимилироваться и раствориться в одной из великих борющихся наций. Становление малых балтийских наций совершается как бы в “зоре”, возникающем в борьбе больших наций⁷. И окончательная победа одной из них могла бы положить конец этому процессу, так и не дав ему завершиться становлением независимых балтийских государств.

К Первой мировой войне процесс образования балтийских наций продвинулся достаточно далеко, чтобы существование независимых национальных государств было уже возможным, но отнюдь не достаточно далеко, чтобы оно стало неизбежным и чтобы их национальное существование могло считаться гарантированным.

Если бы не было Первой мировой войны и русской революции и Российская империя просуществовала бы еще хотя бы лет тридцать,

вполне вероятно, что балтийские провинции были бы окончательно интегрированы в империю, немцы и поляки потеряли свои социальные позиции, усилился бы приток русских и русификация (и насильственная, целенаправленная, и “естественная”) и процесс становления современных балтийских наций мог бы быть приостановлен. Они, скорее всего, сохранились бы (религия создавала мощный барьер для ассимиляции, языки были уже достаточно развиты и существовали развитые национальные инфраструктуры), но как небольшие этнические группы, как меньшинства на своих исторических территориях, которые так никогда и не пришли бы к независимой государственности. Если бы победила Германия, латышей и эстонцев, несомненно, ждала бы германизация и судьба “онемечившихся” протестантов-литовцев в Восточной Пруссии.

Балтийским народам “повезло”. Конечно, трудно говорить, что народам, земля которых стала полем битв и людские потери которых в ходе войны — колоссальны, “повезло”. И тем не менее, для появления балтийских национальных государств и завершения процесса становления балтийских наций Первая мировая война и русская революция создали уникально благоприятные условия, которыми балтийские народы смогли в полной мере воспользоваться. Мы опять видим альтернативную историческую ситуацию, исход которой породил факторы, действующие в наше время и влияющие на современное развитие.

* * *

Россия в 1917 г. смогла выдержать только полгода относительно демократического режима и даже не “дотянула” до Учредительного собрания и принятия конституции. Победа большевиков привела к созданию мощного тоталитарного государства, ликвидировавшего сословное неравенство, демократизировавшего социальную жизнь, но одновременно ликвидировавшего все либеральные завоевания начала XX в. и установившего режим, основанный на абсолютном бесправии.

Интернациональный характер ранней большевистской идеологии помог большевикам разоружить националистические движения на всех окраинах Российской империи (кроме движений самых развитых, наиболее сформировавшихся как нации балтийских народов, финнов и поляков) и фактически восстановить в новой форме территориальное единство “имперского пространства”. Эта новая форма — СССР, государство, в названии которого вообще нет “ничего этнического”, которое вначале мыслилось зародышем, ядром будущего всемирного государства рабочих и крестьян, союз, в котором Россия — одна из равноправных советских республик. Но очень быстро в этом государстве все больше начинают выступать черты его предшественника — Российской империи.

Предельно централизованное государство (тоталитарный характер большевистской идеологии не мог не превратить федерализм в СССР в форму, фикцию, как фикцией было вообще все конституционное устройство), с центром — в Москве, с государственным языком — русским, состоящее из мощного русского ядра и множества относительно небольших и культурно очень разных народов “окраин”, стало “завуалированной” формой старой империи. И каковы бы ни были страдания русских в ходе “строительства социализма” и затем — “коммунизма”, они в какой-то мере компенсировались сознанием того, что они — “старшие братья” множества других народов, что они граждане великого государства, что русская столица Москва — Мекка для миллионов коммунистов и симпатизирующих коммунизму людей во всем мире, видящих в СССР модель будущего всемирного устройства (“Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин”). Это специфически национальное русское значение СССР и коммунистической идеологии сыграло затем громадную роль в ходе распада коммунистической системы и СССР и в последующий переходный период.

Балтийские народы, наряду с поляками и финнами, входили в число немногих народов империи, которых большевикам не удалось включить в свое государство. В течение двадцати лет балтийские народы могли развиваться в рамках независимых государств.

В статье П. Лоссовского раскрывается эволюция балтийских стран в первый, межвоенный период их независимости. Все три государства — “состоялись”, стали достаточно жизнеспособными национальными государствами, в которых завершился процесс образования современных балтийских наций, становление обществ, где государствообразующие народы доминируют во всех сферах жизни и имеют “завершенную”, полную социальную структуру. Во всех трех странах достигаются значительные экономические успехи и жизненный уровень здесь — “европейский” и значительно более высокий, чем в России.

Успехи в строительстве демократических систем у балтийских народов — более скромные, хотя, конечно, с “успехами” русских они не сопоставимы. Литва, Латвия и Эстония возникают, в соответствии с “духом времени”, как и все государства, образовавшиеся в то время на обломках Австро-Венгерской и Российской империй, как демократические республики, и эти республики удерживаются в Литве — до 1926 г., в Латвии и Эстонии — до 1933-го. Борьба балтийских народов с этническими меньшинствами, мощные идеологические конфликты, трудное международное положение и экономический кризис подрывали балтийские демократии, как и все послевоенные новообразованные демократические общества. С 20-х гг. по Европе начинается распространяться волна авторитарных и тоталитарных переворотов, захватывающая и Балтию. Во всех трех странах устанавливаются режимы “сильной прези-

дентской власти". Это — не тоталитарные режимы, как в СССР и Германии, но и отнюдь не демократические.

На наш взгляд, авторитарный характер балтийских режимов межвоенной поры — очень важный и недостаточно оцениваемый факт. Сейчас, когда в странах Балтии установлен полный демократический консенсус и прочные демократические системы, возникает естественная тенденция преувеличивать свойственную балтийским народам демократичность. Но хотя культурные основы демократии у них, безусловно, неизмеримо мощнее, чем у русских и большинства народов СССР, даже для них демократия — отнюдь не нечто "имманентное", современная демократия у них — также результат сложной эволюции и трудного опыта. И то, что режимы Пятса, Ульманиса и Сметоны ближе к теперешним режимам в большинстве стран СНГ, чем к теперешним балтийским, на наш взгляд, должно внушать оптимизм. Как страны Балтии в межвоенный период отнюдь не были принципиально не способны к демократии, а лишь не до конца "доросли" до нее, так и страны СНГ "не доросли" до нее сейчас, но, как и балтийские народы, "дорастут" со временем.

Период независимости длился всего 20 лет. В 1940 г. Сталину удалось сделать то, что не смог Ленин, — уничтожить балтийскую независимость и включить балтийские страны в СССР. Но 20 лет самостоятельного государственного развития преобразовали балтийские народы. Если в 1917 г. независимость была мечтой немногих представителей этих народов (большинство могло представить себе только автономию в составе России), то к 1940 г. независимое государство, включенное в общеевропейскую жизнь, стало восприниматься как норма национально-го существования. Одно дело — вообще никогда не иметь независимости, не достигнуть ее и совсем другое — ее потерять. Сталин присоединил народы, которые уже органически не могли смириться с этим присоединением, воспринимать пребывание в СССР как нормальное существование.

* * *

Развитие балтийских республик в СССР — прекрасная иллюстрация того, в какой мере экономические успехи и жизненный уровень народа зависят от его культуры. Несомненно, что социализм (государственная собственность и плановое хозяйство) был культурно более чужд народам Балтии, чем русским или мусульманским народам СССР. И очень популярные в свое время в балтийских странах подсчеты, сколько они потеряли из-за социализма (основанные на сопоставлении экономических показателей досоветского периода, когда они были не ниже показателей других европейских стран, и постсоветских), вполне

возможно, верны. Но есть и другая сторона дела. Хотя, например, эстонцы жили при советской власти хуже, чем их сохранившие свободу братья финны, они, и латыши, и литовцы жили лучше русских и вообще всех прочих народов СССР⁸.

Каждый, кто пересекал границу Псковской области и Эстонии, попадал в иной мир, в другую, значительно более богатую и “приспособленную к жизни” страну. И если разница уровней жизни народов Балтии в советское время и финского или датского — показатель преимуществ демократического капитализма над тоталитарным социализмом, значения социально-экономического строя, то разница в жизненном уровне Балтии и России, те поразительные различия, которые видел каждый приезжавший в Прибалтику русский, — показатель роли культуры в экономике⁹.

Народы Прибалтики не только материально жили лучше, чем другие народы СССР, в какой-то мере они жили и свободнее. Глубокое русское ощущение превосходства Запада (вполне сочетающееся и с антизападной идеологией и с антизападными чувствами) переносилось и на внутренний Запад, Прибалтику (см. об этом статью Ю. Абызова). Прибалтов “больше уважали” и им “больше позволялось”. Эстонцы в 70–80-е гг. могли смотреть финское телевидение (привилегия, немислимая в других республиках). Многие произведения западной литературы, вроде книг Кафки, сначала переводились на языки балтийских народов или даже на русский, но издавались в Прибалтике, а уже затем цензура пропускала их издание в России. Картины абстрактной живописи могли висеть в кабинетах прибалтийского начальства. Различные робкие рыночные реформы, которые пыгались проводить московские власти, всегда начинались с Прибалтики (очень похоже на то, как первые попытки решить проблему крепостного права в царской России тоже начинались в Остзейских провинциях)¹⁰.

Привлекательность Прибалтики для русских имела, однако, и одно страшное для балтийских народов следствие — быстрые демографические изменения, постоянный рост удельного веса русского и русскоязычного населения, угрожавший превращением эстонцев и латышей в меньшинства в своих собственных странах.

Как же ощущали себя народы Прибалтики, какая идеологическая эволюция совершается под слоем неподвижной советской идеологии? Их идейная эволюция в советский период во многом парадоксальна. После окончания Второй мировой войны на территории Прибалтики очень долго — до 60-х гг. — продолжается постепенно угасающая партизанская война. К 60-м надежды на то, что оккупация — ненадолго, что будет столкновение СССР и западных стран, войска которых придут и освободят, рушатся. Побеждает конформизм. Подавляющее большинство начинает играть по советским правилам (все молодые люди — ком-

сомолыцы, лучших из них принимают в партию). Правда, диссидентство в Прибалтике было развито несколько больше, чем в других республиках, но никакой реальной угрозы для советской власти от крохотных диссидентских групп не было и здесь.

Но под слоем официальной идеологии происходит процесс, результаты которого стали зримы в горбачевский период. В СССР были включены общества с довольно сложной идеологической структурой, в которых были и множество приверженцев фашизма, и многочисленные сторонники победивших здесь авторитарных режимов, и либералы-демократы, и находившиеся в подполье коммунисты и “криптокоммунисты”, которых было не много, но они все же были и кое-кто приветствовал советские войска и установленную советскими штыками власть совершенно искренне. К исходу советского периода возникло общество удивительной идеологической однородности, где практически все — высшая партийная элита и простые колхозники, интеллектуалы и рабочие, диссиденты и тайные агенты КГБ — были убеждены, что не может быть более прекрасной мечты, чем освобождение от русских и советской власти, восстановление независимости, демократии и капитализма и присоединение к западному миру¹¹. Эстонскому литератору и публицисту Яну Каплинскому принадлежит очень яркая фраза, характеризующая этот период: “Все были коллаборационисты и все были в сопротивлении”. Именно за годы советской власти в балтийских обществах “тотально” побеждает национал-демократическая “западническая” идеология. Если сравнивать демократические системы, установившиеся в странах Балтии при достижении независимости в конце Первой мировой войны, слабые, раздираемые противоречиями и, в конце концов, уступившие место авторитарным режимам, и теперешние, мы должны будем признать, что советское время все же не было просто “потерянным”.

Схожие процессы шли в это время на всем пространстве СССР. Вера в коммунистическую идеологию уже в 70-е гг. исчезла практически повсеместно. Но нигде не сложился такой всеобщий национал-демократический консенсус, который Марк Бейссингер в своей статье сравнивает с демократическим консенсусом в США, закрепленным победой американской революции.

В революционный период падения коммунистической системы и распада СССР отличия российского и балтийских антикоммунистических движений могли представляться скорее “количественными”, чем “качественными”. Ясно, что балтийские движения были более “культурными”, более организованными, более сплоченными, чем россий-

ское, однако в тот период они воспринимались скорее как передовой отряд одного “общесоюзного” демократического движения. Но если из почти не различимых на первый взгляд семян выросли разные растения, значит, и семена были только очень похожие, но не одинаковые. Дивергенция путей социально-политического развития балтийских стран и России в постсоветский период заставляет пристальнее взглянуть на движения, победа которых положила конец советской власти и начало этому постсоветскому развитию, посмотреть на те не бросавшиеся тогда в глаза отличия движений, из которых затем выросли очень заметные отличия систем.

Для балтийских народов вектора национализма, антисоветскости и демократизма совпадали. Коммунистическая идеология здесь была не просто идеологией, вера в которую была утрачена, а основанная на ней коммунистическая система — не просто системой, которая стала ощущаться как давящая человека и мешающая развитию. Для балтийских народов эти идеология и система были еще и навязанными извне в результате советского (русского) завоевания, положившего конец национальной государственности, последствия которого (из-за русской миграции) угрожали самому их национальному существованию (во всяком случае, существованию латышей и эстонцев). Стремление к национальной самостоятельности (и даже просто к национальному самосохранению) и стремление освободиться от репрессивной идеологически-социально-политической системы у эстонцев, латышей и литовцев полностью совпадали. Таково же было совпадение и векторов антисоветскости и западного демократизма. Социальное и национальное освобождение здесь было не отделимо от идеи “возвращения в Европу”, частью которой балтийские народы себя ощущали, которая в это время была безраздельно демократической, от которой они могли ожидать помощь и под крылом которой — спасения и покоя.

У русских не могло быть такого совпадения векторов национализма, антисоветизма и демократизма. Коммунизм у нас победил не в результате чужеземного завоевания, а в результате великой русской революции. И его победа привела не только к восстановлению государства, которое пусть называлось не Российской империей, а СССР, но имело центр в Москве и русский государственный язык и в котором русский народ официально считался “старшим братом”, но и к превращению этого государства в величайшую в истории мировую империю, контролировавшую в лучшие для нее времена пространство от Эльбы до Меконга. Представлять борьбу с такой системой как борьбу за национальное русское освобождение было крайне трудно. Вектора русского национализма и антисоветскости скорее расходились. Также трудно было в России представлять демократию как национальную норму. Если в истории балтийских народов недолгий период первой национальной не-

зависимости был все же вначале периодом демократии, а авторитарные режимы можно было с определенной степенью правдоподобия изображать "абerrацией", вызванной особо трудными условиями, то в русской истории вообще не было демократического периода, если не считать нескольких месяцев 1917 г.¹²

Поскольку ясного и четкого совпадения национализма, антикоммунизма и демократизма в России быть не могло, российское антикоммунистическое движение при доминировании либерально-западнических идей и лозунгов было значительно более разнородным, чем балтийские. С либералами-западниками в одном ряду здесь могли быть и крайние националисты, для которых коммунизм — "западная" идеология, а СССР — недостаточно русское государство, и сторонники "про рыночной" диктатуры пиночетовского типа, и кто угодно. В отличие от балтийских движений, где разногласия касались лишь форм и способов достижения общих целей (более осторожны, естественно, были представители номенклатурной элиты, которым было что терять, достаточно осторожными — представители статусной интеллигенции, и радикальны — интеллигентские низы, диссиденты, молодежь), в российском цели были значительно менее определены, более противоречивы и понимались по-разному.

С этим отличием в идеологии движений было связано и отличие в охвате ими общества. В Балтии избавиться от коммунизма, восстановить независимость и вернуться в Европу хотели все — и диссиденты, и представители высшей номенклатурной элиты типа Бразаускаса, Горбунова и Рюителя, и академики, и колхозники. На стороне советской власти стояли только единичные представители номенклатуры среди балтийских народов и часть (далеко не все) русскоязычных "мигрантов".

В России демократическое движение не только не было общенародным и не только было идейно разнородным и противоречивым, но было и движением меньшинства.

Сразу же после распада СССР мы видим быстро идущую дивергенцию российской и балтийской политических систем, описанную в статье С. Нистен-Хаарала.

Балтийские демократии основаны на консенсусе, сложившемся за годы советской власти и закрепившемся в ходе "поющих революций". Все основополагающие документы (акты о независимости, конституции) принимались путем народных голосований. И вся возникающая в балтийских странах система политических партий сейчас существует в рамках этого консенсуса (см. статью А. Крупавичюса). Это позволило балтийским обществам решить самую главную проблему построения де-

мократии, которую так и не смогла решить Россия, — проблему ротации власти. Переломным моментом в развитии балтийских демократий были ситуации конституционного законного отстранения от власти лидеров, приведших народы к независимости и демократии. С этого момента власть демократов превращается во власть демократии, власть права.

Балтийские вожди национальных антикоммунистических движений, как все вожди, были людьми достаточно авторитарными и, естественно, не хотели уходить из власти. В этом отношении вряд ли Ландсбергис принципиально отличался от Ельцина. Принципиальные отличия были в другом.

Лидеры Народных фронтов в период борьбы опирались на безусловную поддержку подавляющего большинства народа. Их цели были общенациональными целями. Поэтому уход из власти был бы для них неприятен, но не катастрофичен. Никто не мог бы предъявить им обвинение в “государственной измене”. Они могли продолжать участвовать в политической жизни и бороться за возвращение к власти в будущем.

Ельцин этого не мог, поскольку никакого “общенародного мандата” на ликвидацию СССР в России не было. Оппозиции революционным лидерам в Балтии не затрагивали самой основы их действий. В России же оппозиция просто не могла не объявить Ельцина виновником разрушения государства. “Естественным” лозунгом коммунистической и националистической оппозиции в России становится: “Банду Ельцина — под суд”. В этой ситуации уход из власти, допуск к власти оппозиции становится для победившей группировки не просто нежелательным, неприятным, а смертельно опасным и невозможным. Для Ландсбергиса и Сависаара речь шла о власти, для Ельцина — о самой жизни. У него просто не было иного пути, кроме пути создания политической системы, исключаяющей победу оппозиции. Ландсбергис и Сависаар уходят, Ельцин — разгоняет парламент и добивается принятия (на очень “сомнительном” референдуме) закрепляющей его “царскую” власть конституции (что делает уход из власти еще более невозможной перспективой).

Закрепление личной власти, создание суперпрезидентской системы, исключаяющей возможность прихода к власти оппозиции, — императив действий победившей в России “демократической” группировки и путь, вступив на который, она уже не могла свернуть. Но одновременно — это и относительно легкий в российских условиях путь. Это — путь, соответствующий нашей национальной психологии, нашим “архетипическим” образам власти и столь характерным для нас страхам анархии и хаоса, которые могут возникнуть при слабости власти и в случае победы оппозиции.

В балтийских странах, напротив, создание “суперпрезидентской” системы не только не было “категорическим императивом” для победивших лидеров, но и было бы крайне трудно из-за доминирующих на-

строений, господства либерально-западнической идеологии. “Суперпрезидентские” авторитарные режимы межвоенной эпохи не идеализировались, напротив, о них старались забыть.

Как показывает С. Нистен-Хаарала, балтийским странам, принявшим не суперпрезидентскую, а нормальные демократические конституции, удалось создать стабильность, принципиально отличающуюся от российской. Российская стабильность — это стабильность пребывания у власти определенных лиц, сочетающаяся со значительными и зачастую хаотичными изменениями в их политике и в институциональной системе. Стабильность балтийских государств — это стабильность институтов и политики, сочетающаяся с нестабильностью пребывания у власти людей и партий. Это — открытая демократическая стабильность.

Балтийский опыт — не только опыт успешного построения правовых демократических систем. Это еще и опыт, наглядно демонстрирующий значение таких систем для экономического роста и достижения материального благосостояния.

В русском демократическом движении “материальные стимулы” играли очень большую роль. Идея, что разрушение СССР сделает русских богаче, ибо в СССР их эксплуатируют другие республики, а переход к рынку и частной собственности просто быстро и “автоматически” сделает нашу жизнь не хуже, чем в США или Западной Европе (вспомним ваучер, который должен был стоить две легковые машины), были важнейшими факторами, действовавшими на массовое сознание и или побуждавшими русских демократов к борьбе за счастливое будущее, или ослаблявшими сопротивление им. Это, как мы сейчас отлично понимаем, была революционная мифология, и подавляющему большинству населения рынок в российском варианте принес только обнищание. Но часть населения стала поддерживать демократию (в нашем варианте) под влиянием вполне реальных материальных стимулов — только перспектива колоссального обогащения в ходе приватизации могла привлечь на сторону Ельцина и демократов подавляющее большинство российской номенклатурной элиты.

Роль “материальных стимулов” (и реальных, и идеологически-мифологических) видна и в нашей эволюции после 1991 г. Наши демократы приветствовали становление ельцинского режима “безальтернативной” президентской власти в громадной мере под влиянием идеи, что рынок — основа всеобщего благосостояния и “базис” демократии и вообще всего хорошего, и поэтому нужно, невзирая на все, железной диктаторской рукой вести общество к рынку. Поэтому же они так спокойно смотрели на разгул криминального растаскивания государственной

собственности (неизбежные издержки первоначального накопления). А элита видела в “безальтернативном” режиме ту сильную власть, которая будет охранять ее богатства.

В балтийских странах роль “материального фактора” в революции была значительно меньше. Главную роль играли идеи независимости и “возвращения в Европу”. Один из лозунгов эстонских массовых митингов эпохи борьбы за независимость: “Ради свободы мы готовы даже сидеть на картофельных очистках”¹³ – фраза, в России абсолютно непредставимая.

И множество реальных действий балтийских государств, на первый взгляд, шло вразрез с материальными интересами и большинства, и элит. Так, никакой “экономической и социальной целесообразностью” нельзя объяснить возвращение собственности бывшим владельцам, зачастую людям, которым она не очень-то и нужна. Эта мера была продиктована только идеей возвращения к законности. С точки зрения прямых интересов влиятельных групп населения при приватизации было бы естественно отдавать предпочтение менеджменту. Между тем, особенно в Эстонии, предпочтение отдавалось аукционной и тендерной форме приватизации, при которой собственность чаще всего переходила в руки иностранцев.

В статье П. Сутелы раскрываются причины балтийских успехов и российских неудач – наличие в странах Балтии мощного “стабилизатора” экономической политики – стремления несмотря на любые трудности как можно скорее достичь “европейских стандартов” – не стандартов потребления, а стандартов рыночных институтов, не отделимых от “стандартов” демократического правового строя. Но, стремясь не столько к непосредственным, ближайшим экономическим результатам, сколько к “менее материальным” целям, балтийские народы как “побочного следствия” достигли значительно больших экономических успехов, чем россияне.

* * *

Мы постарались показать, что значительно большие, чем российские, успехи балтийских народов на пути “в Европу” (как и значительно меньшие по масштабам, но также очень устойчивые отличия достижений балтийских стран) объясняются очень глубокими факторами, возникшими отнюдь не в переходное или тем более постсоветское время. Вышедшие на старт в 1991 г. “велосипедисты” были уже давно и прочно и совершенно по-разному сформировавшимися людьми, с разной способностью к преодолению предстоящего им “трека”. Но признание этого несомненного факта порождает определенные психологические и моральные трудности.

Во-первых, эти выводы в какой-то мере противоречат нашим глубоким ценностным аксиомам. В самом деле, ведь мы показываем, что иерархия сравнительных достижений разных народов на пути к демократии и рынку (отражающаяся, хотя, естественно, не совсем адекватно, в оценках, которые даются разными международными институтами) в некотором роде является иерархией оценок устойчивых качеств народов, обществ, их культур. Если на контрольной работе по математике один ученик получает пять, а другой — три, это — оценки результатов данной работы, может быть, и совершенно случайных. Но если на протяжении очень долгого времени на всех контрольных работах один получает пять, а другой — три, это уже не оценки данных работ, а оценки качеств учеников. Иерархия устойчивых оценок постсоветских обществ, где высшую оценку имеет Эстония, среднюю — Россия, а низшую — Туркмения, — это иерархия оценок культур. И дело не в том, что неприятно признавать себя хуже других (не неудачливее, не все время попадающим в какие-то неблагоприятные ситуации, а именно хуже). Дело в том, что этот вывод противоречит нашим представлениям и ценностям (все народы — равны) и нашей интуиции, которая никак не позволяет признать великую русскую культуру “хуже” эстонской или латышской.

Во-вторых, эта идея — “фаталистическая”. В самом деле, что толку для отставших от того, что им объясняют, что отставание их не случайно, что ушедшие вперед — более талантливы и всегда такими были. Ведь не в наших силах перестать быть самими собой, изменить наше далекое прошлое, когда формировались те качества, которые сейчас проявляются в успехах одних и неудачах других.

Это — реальные трудности, но, на наш взгляд, их можно разрешить, не закрывая глаза на реальность и не отбрасывая базовых ценностей. Прежде всего, оценка культур по их “способности к демократии” — это оценка только по этой способности. Культура — также неизмеримо богаче и ценнее ее “способности к демократии”, как человеческая личность — неизмеримо богаче и ценнее, чем способность этой личности ездить на велосипеде.

Кроме того, в нашем “соревновании” главное — не скорость, не то, у кого получается лучше, а у кого хуже, а сама задача дойти до финиша. Современная эпоха поставила перед нашими народами задачу построения правового демократического общества. И хотя есть народы, для которых эта задача относительно легка, и есть такие, для которых она очень трудна, ее реализация — явно в пределах возможностей любого народа и явно упрощается с течением времени, с укреплением демократии в мировом масштабе, постепенным расширением зоны демократий. Наши теперешние трудности в какой-то мере аналогичны трудностям балтийских народов в межвоенный период, когда все они тоже “проваляли экзамен на демократию” и пришли к режимам, пожалуй, даже

ближе к современному туркменскому, чем к ельцинско-путинскому. Их современная демократия — это тоже результат “второй попытки”. Задача, стоящая перед Россией, — это не задача “догнать”, а задача “дойти”, “прийти” к правовому демократическому обществу, достижение которого — главное условие успешного современного развития и решения множества других задач. И если видеть задачу в этом, то более успешный опыт других должен порождать не фаталистическое настроение и комплекс неполноценности (“все равно мы — не они”), а напротив, уверенность (“они смогли, сможем и мы”).

Пример Балтии играл колоссальную “культуртрегерскую” роль в СССР (и даже в Российской империи), он сыграл громадную роль в разрушении СССР и ликвидации коммунистической системы и он продолжает играть определенную культуртрегерскую роль и сейчас.

В современном российском сознании роль балтийского примера не так велика. После распада СССР в российском сознании стали доминировать ностальгия по имперскому прошлому и обида на более успешную часть мира. Отношение к балтийским странам после достижения ими независимости резко изменилось. Российская пресса в основном пишет о неполноправном положении русских, о парадах стариков, когда-то участвовавших в войне с СССР на стороне фашистской Германии, и о планах расширения НАТО на балтийские страны. Кроме того, резко уменьшились контакты.

Но, с другой стороны, в Балтии совершаются процессы, которые со временем могут оказать большое влияние на Россию. Происходят очень интенсивные изменения в сознании балтийских русских, в массе своей “принявших” порядки балтийских обществ. В Балтии, как это пытаются показать в своей статье Э.Г. Задорожнюк и автор данного введения, возникает значительный слой русских, гораздо более “европейских” по своему сознанию и культуре, чем российские русские, которые при благоприятных обстоятельствах в дальнейшем могут сыграть важную роль в качестве “передатчиков” европейских ценностей и навыков “российским русским”. (Мы помещаем также статью о калининградских русских, написанную калининградскими авторами, поскольку проблемы русских в Калининградской области и процессы, происходящие в их сознании, имеют несомненное сходство с процессами в сознании балтийских русских). Более того, в экономической сфере, в способности овладевать рыночными механизмами русские ничуть не уступают балтийским народам, а в Латвии вообще говорят о “русском засилье” в экономике.

Успешная адаптация балтийских русских к новым условиям заставляет на наш взгляд, по-новому взглянуть на проблему “вечного отставания”. Русские в Балтии живут при строе, созданном не ими и на порядок более демократическом и правовом, чем строй, который могли создать русские в России. Но, очевидно, способность самим создать со-

временный правовой строй и способность успешно действовать в нем, пользоваться его преимуществами — очень разные качества. Есть бесконечное число примеров народов, которые, или оказавшись в роли меньшинств в институциональной среде, созданной другими народами, или заимствовав чужие институты, овладевали ими не хуже или даже лучше, чем народы, эти институты создавшие.

Вполне вероятно, что это относится не только к русским в ситуации меньшинства, но и к России. Преодолеть барьер, отделяющий нас от правового демократического общества, у нас пока не получается. Но вполне может быть, что после преодоления этого барьера раскроются сейчас не видные черты русского сознания и Россия перестанет быть “отстающим велосипедистом” на всемирном треке.

Оценки, которые получает Россия, — это не просто оценки результатов определенной работы. Это, как уже говорилось, оценки культуры, способностей. Но все же эти оценки даются лишь по определенному “предмету” и за ограниченный (хотя и большой) период времени. Мы живем в “переходный период”, когда задача достижения правового демократического устройства вышла на первый план. И как всегда в таких случаях, она представляется важнейшей и чуть ли не единственной. Между тем даже сейчас есть множество других задач, а когда Россия станет стабильной и развитой демократической страной, естественно, отпадет и сама задача построения демократического общества и на первый план выйдут другие. Когда школьник сдает экзамен на аттестат зрелости, ему может казаться, что это — чуть ли не самое важное дело. Но как только экзамен сдан, возникают новые дела, а прошлые переживания и волнения просто забываются. Задач много, и они меняются. Но, соответственно, меняется и значение наших устойчивых качеств, наших “талантов”.

Сейчас главная задача — достижение правового демократического общества. И с ней народы Балтии справляются лучше нас, и нам надо смотреть на них и пытаться через них понять, что у нас не выходит, что мы делаем не так. Но это отнюдь не значит, что так будет вечно. Вполне вероятно, что при других условиях, когда на первый план выйдут другие задачи, уже балтийские народы будут пытаться понять, почему у русских (или у туркмен) так хорошо получается что-то, что никак не удается им.

Примечания

¹ В книге: Return to the Western World (Cultural and Political Perspectives on the Estonian Post-Communist Transition)/ Ed. by Lauristin M., Vihaelemm P. (Tartu, 1997) приведены данные, говорящие об интересе жителей Эстонии к различным странам. В 1994 г. 61% эстонцев и 81% незстонцев считали, что получение информации из России важно. Для сравне-

ния, об информации из Латвии так думали 55 и 38%, Финляндии — 46 и 12%, США — 36 и 27% (Ibid. P. 327). Соответственно, статьи о России составляли 32,7% всех статей о других странах, опубликованных в 1996 г. в эстонской прессе. О США — только 14% (Ibid. P. 330). У нас нет таких данных о России, но ясно, что интерес к странам Балтии — больше, чем, скажем, к скандинавским странам, и число публикаций об Эстонии или Латвии — значительно больше, чем о Норвегии или Швеции.

² Проблема отсутствия латвийского и эстонского гражданства у значительной части населения Латвии и Эстонии, разумеется, остается проблемой, которую предстоит как-то решать (очевидно, уже в рамках ЕС). Но лишение гражданства лиц, приехавших в эти страны после 1945 г., строго соответствует признанию незаконности включения Эстонии и Латвии в СССР (что является балтийским “кредо” и что признается западными странами) и общепринятому юридическому принципу, согласно которому “преступный акт не может создать права”. Поэтому сам факт отсутствия у части населения гражданства не влияет на оценки демократизации балтийских обществ, выставляемые международными институтами (что лишь с громадным трудом понимается русским “неюридическим” сознанием). Реальное положение русских, в том числе и не граждан и в сфере прав человека, в странах Балтии, несомненно, лучше, чем в России (см. об этом статьи Д. Фурмана и Э. Задорожнок и Т. Кочегаровой и Р. Симоняна).

³ В этом отношении очень показательна книга: *Return to the Western World...* Авторы приводят некоторые статистические данные, дающие возможность сравнить достижения трех балтийских стран (эстонцы в них выглядят лучше всех), но тщательно избегают рассуждений на эту тему и выводов. Зато они подробно сравнивают Эстонию со странами с совершенно отличной историей и проблемами — Швецией и Финляндией.

⁴ Поздний литовский национализм, естественно, устанавливает символическую связь с великим государством XIII-XV вв. Таким образом, национальное самосознание литовцев в этом отношении значительно отличается от эстонского и латышского. Но насколько эти разные образы самих себя влияли на поведение балтийских народов в современную эпоху, сказать очень сложно. Латышская исследовательница Илга Апине пишет: “Литовцы, видящие себя как великую нацию, первыми вступили в битву с Москвой и первыми провозгласили независимость” (*Apine II. Nationality policy in the Baltic States // The Baltic States at Historical Crossroads / Academy of Sciences of Latvia; Ed. by dr. Talavs Jundzis. Riga, 1998*). Однако были и более “лежащие на поверхности” причины того, что литовцы были впереди. Это, прежде всего, — значительно больший удельный вес литовцев в Советской Литве, в результате чего они могли меньше опасаться противников независимости из числа нелитовцев. “Католический фактор” также может рассматриваться вне связи с памятью о великом государстве.

⁵ В период распада СССР различие правового сознания балтийских народов и русского сознания проявилось очень четко, в том числе и в вопросе о признании незаконности пакта Молотова—Риббентропа и включения балтийских республик в СССР. Русские демократы просто не могли понять всех последствий признания незаконности этого включения. Русское сознание оперировало скорее идеологическими и общезначимыми категориями. Для него это признание было не более чем признанием очевидного исторического факта, примерно то же, что признание того, что Иван Грозный взял Казань и уничтожил Казанское ханство.

⁶ Обсуждение “веберовской” проблематики применительно к балтийским странам см. также в книге: *The Baltic States (The National Self-Determination of Estonia, Latvia and Lithuania)* / Ed. by Graham Smith. Macmillan. London, 1994. P. 44 и далее.

⁷ Схожая роль борьбы польского и русского “национальных проектов” и борьбы поляков с австрийцами для становления украинской нации раскрывается в статьях: *Шпорлюк Р. Украина: от периферии империи к суверенному государству; Миллер А. Россия и Украина в XIX — начале XX века // Украина и Россия: общества и государства / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. М., 1997.*

⁸ Эстония в 60-70-е гг. была на первом месте в СССР по торговому обороту на душу населения и на первом-втором (вместе с Латвией) по сбережениям на душу населения. См.: *Raun Toivo U. Estonia and the Estonians*. Stanford, 1987. P. 208.

⁹ При этом хотя уровень экономического развития всех трех балтийских стран был выше среднесоветского, между ними сохранялась установившаяся уже давно дистанция. Велосипедисты все равно двигались в определенном порядке. Так, в 1970 г. валовой национальный продукт на душу населения в СССР составлял 2200 долларов США, в Эстонии – 2725, Латвии – 2406, Литве – 2208. В 1980 г. в СССР – 4550 долларов, Эстонии – 5500, Латвии – 4800, Литве – 4600. См.: *Viksnins George J. World Economic growth and the Baltic States // The Baltic States at Historical Crossroads...* P. 67.

¹⁰ Так, стопроцентный переход к денежным выплатам колхозникам был впервые в СССР осуществлен в Эстонии в 1964 г. В 1967 г. все эстонские совхозы были переведены на хозрасчет, что было совершено во всеююзном масштабе только в 1975 г. См.: *Raun Toivo U. Op. cit.* P. 201.

¹¹ Александрас Штромас писал: "...ограниченная идеологическая поддержка, которой добился вначале советский режим... в период мирного сосуществования народа и режима постепенно и необратимо исчезала. Внешне тотальная победа советского коммунизма в балтийских обществах привела к такому же тотальному его отвержению моральным и политическим сознанием балтийских народов. Это – парадокс, но тем не менее это – так" (*Shromas A. The Baltic States as Soviet Republics // The Baltic States (The National Self-Determination of Estonia, Latvia and Lithuania)*). P. 98.

¹² В какой-то мере как компенсация слабости исторической и национальной почвы русского демократизма может рассматриваться колоссальная роль в демократической идеологии этого периода идеи рынка, который должен был принести с собой богатство, не меньшее, чем на Западе. Но как раз эта идея легко принимала антидемократические тона. Отсюда был очень легкий переход к идее авторитарной диктатуры, железной рукой проводящей рыночные реформы.

¹³ См.: *Return to the Western World...* P. 204.